

«Мечтаю о литературных «неграх»»

Окончание. Начало на стр. 1

Я никогда в жизни не полагал, что это будет напечатано. Это был технологический ход.

— **Есть такая фраза: «За спиной каждого известного мужчины стоит великая женщина». Кто стоит за вашей спиной?**

— А есть такая швейцарская поговорка: «За спиной каждого богача стоит черт, а за спиной бедняка — два». Относительно женщины за моей спиной я ответить затрудняюсь. Знаю, что великая женщина стояла за спиной Магомета. Великая женщина стояла за спиной Дизраэли. Но кто стоял за спиной Наполеона? Жозефина?

— **Если бы ее не было, карта Европы, возможно, была бы другой.**

— А еще ассоциация с женщиной за спиной — это картина «Товарищ Сталин и Муза». Она у него за спиной и нежно гладит его по скуле. У меня за спиной нет ни Музы, ни женщины, ни крыльев. Кроме горьких прожитых лет, у меня за спиной нет, поверьте, ничего.

— **Вы часто думаете: «Кто мне тут равен?» Я о литературе.**

— Вы знаете, однажды журналист спросил Виктора Гюго, кого он считает первым поэтом Франции. Гюго долго морщился, кривился и кричал и в конце концов пробормотал: «Вторым — де Виньи».

— **Так кого вы считаете вторым?**

— О! Их много. Чудесные люди.

— **Не называете?**

— Ну что вы! Тогда обидятся третьи.

— **Вы чувствуете себя реализованным человеком?**

— Я не представляю себе такого человека. У любого из нас всегда есть запас. Но мне грех жаловаться на нереализованность. Наоборот, мне чаще нужно думать о том, что все гораздо лучше, чем бывает и могло бы быть. И нужно регулярно обращаться со словами внутренней благодарности к тому, кто наверху.

— **Я читала такое у Бродского.**

— Я терпеть не могу Бродского.

— **У вас вообще очень эмоциональные оценки своих собратьев по цеху.**

— Вы знаете, по-моему, лучшую пьесу в русской классике написал Грибоедов. На мой взгляд, «Горе от ума» — вещь совершенно замечательная. И человеку «должно сметь свои суждения иметь». Я их никому не навязываю. Я ни от кого не требую их разделять. Я лишь настаиваю на том, что я имею право на собственные мнения, если я их не высказываю в публичной, оскорбительной форме. Это моя точка зрения. Почему я вокруг нее должен приплясывать и делать какие-то пассы руками, соблюдая внутрилитературную политкорректность?

— **Вы планируете свое творчество? Или пишете стихийно?**

— Планов у нас выше крыши! I have a dream («У меня есть мечта». — «НИ»), как говорил Мартин Лютер Кинг, который боролся за освобождение чернокожих. У меня тоже есть мечта — я хотел бы иметь нескольких «негров». Правда. Как говорил один балзаковский герой, «я, в сущности, почти неудачник. Мне уже столько лет, а у меня ни одного раба». Будь у меня рабы, они сидели бы в мастерской за письменными столами. Простыми, дощатыми, нечего раскидываться деньгами. Перед каждым лежала бы бумага, и они бы писали. Я бы туда заглядывал в районе полудня, трепал их по запискам. Рукой мастера поправлял бы какие-нибудь слова. Орал бы: «Какого черта! Восемь лет год пашет — и ничему не научился!» И тогда бы я выполнял большой процент своих планов.

— **Но «негр» не сможет писать так, как вы.**

— Вот это будет меня огорчать. Я буду от него добиваться, чтобы мог. Перестану его кормить. Так что с планами просто прекрасно. Вы знаете, я очень люблю Костю Ме-

лихана — есть в Ленинграде такой чудесный сатирик. У него есть фраза на уровне гениальности: «Человек может все, пока он ничего не делает». Правда, здорово?

— **Читатели немало удивились вашей новой книге «Великий последний шанс». О чем она?**

— Эта книга — анализ происходящего здесь и сейчас, написанная нормальным человеческим языком, так, как люди разговаривают между собой, без мата, но не стесняясь в выражениях. Речь о том, что у нас за прошедшие 15 лет оказались изъясно и незаметно подменены некоторые важные понятия, и таким образом не каждый может сообразить, как мы очутились там, где мы очутились. Например, понятие «демократия», которое всем так здорово нравилось в начале 90-х годов, в двухтысячном нравилось уже мало кому. И если в 90-м году понятия «коммунизм» и «социализм» всем обрыдли хуже горькой редьки, то уже в 96-м году были включены все запредельные черные ресурсы для того, чтобы коммунисты не победили на выборах, потому что в условиях честной игры они побеждали без всяких вариантов. Поэтому что большинство населения голосовало бы за компартию.

— **Это называется «демократические выборы», вы должны знать.**

— Нет. Совершенно справедливо приблизительно 250 лет назад Франклин, изображенный на стоцолларовой бумажке, дал такое определение: «Демократия — это пространство договоренности независимых вооруженных мужчин». Поскольку у нас более 90% населения никак не попадает под указанную категорию ни в части независимости, ни в части оружия, то демократии у нас нет.

Чем так гордились древние греки и что у них переняли римляне? Гражданским обществом и властью Закона. Закона, который выше любого. Правда, в той же Греции обрели ораторское искусство. Потому что надо было влиять на голоса тех, кто пришел на агору. И более искусный оратор умел речами, даже если он врал и был не прав, привлечь голоса на свою сторону. То, чем сейчас политехнологии занимаются по телевидению.

Наверху оказались самые жадные, самые корыстные и самые подлые

У нас по мере развития демократии оказалось, что телевидение, газеты и радио далеки от народа и мы имеем сейчас демократию и экономический либерализм приблизительно для пяти или десяти процентов населения страны. Это люди, которые считаются друг с другом, потому что умеют заставить с собой считаться. У них есть сила денег, сила оружия, и они непосредственно влияют на власть. Остальные 90% не влияют ни на что. Они являются классическими пролетариями и люмпен-пролетариями. Все, что они могут сделать, — это продать свою рабсилу. Они могут продать себя, а если их не купят, то они безработные.

— **Еще они могут хорошо подумать...**

— Подпрыгнуть изю всех сил и перейти в несколько процентов правящих, уйдя в бандиты, политики и так далее? Конечно. Еще они могут покинуть страну и эмигрировать в другую. Но поскольку падает общее производство, то в массе своей они все равно все беднеют.

— **И все это потому что...**

— ...потому что, когда нормальный строитель видит, что дом обветшал, он сначала соображает, какой новый дом ему по карману, как надо распределить имеющиеся средства, чтобы построить новый, на кото-

АЛЕНСЕЙ НАГЛЕВ

Михаил ВЕЛЛЕР — один из наиболее издаваемых сегодня русских писателей. Родился в 1948 году в городе Каменск-Подольский на Украине в семье офицера. Детство провел в Забайкалье. В 1972 году окончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал лесорубом в тайге, охотником-промысловиком на Таймыре, скотогонном в Алтайских горах, журналистом, учителем... Всего сменил около тридцати профессий. Автор книг «Хочу быть дворником», «Разбиватель сердец», «Технология рассказа», «Рандеву со знаменитостью», «Роман воспитания», «Приключения майора Звягина», «Легенды Невского проспекта», «Ножик Сережи Довлатова», «Гонец из Пизы» и других. Читал лекции по современной русской прозе в университетах Италии, Швеции, Дании, Израиля. Живет попеременно в Таллине и Москве. Гражданин Эстонии.

рый хватит денег, и где жить то время, пока новый дом строится, а старый уже разломан. Поэтому разумный политик — а разумные политики встречаются очень редко — сначала планирует, что будет строить дальше, а потом ломает то, что есть сейчас. Но политики — это люди повышенной энергетики и честолюбия, и когда предоставилась возможность вывернуть ковер из-под горбачевских ног, устоять никто не смог. «Ломать не строить, душа не болит», и на разрушения баронского замка объединились все недовольные. А недовольными были все. И сегодня мы находимся там, где мы находимся, и имеем то, что имеем.

Совершенно естественно, что наверху оказались самые жадные, самые корыстные и самые подлые. Не связанные никакими моральными устоями и готовые на любой поступок для того, чтобы урвать свой кусок. И вот самые веселые, крутые и бесспорные ребята так прочно оказываются наверху, что совершенно не собираются делиться своим пирогом с теми, кто внизу. А в это время демократы говорят: «Все, что угодно, но командные условия останутся за нами». И в этом они ошиблись. Потому что, у кого деньги, тот так или иначе начинает определять политический курс. С этим связаны большие разочарования ряда олигархов, которые привели к власти президента Путина и решили, что начался новый застой. Он будет представлять, а они будут править. Но у Путина, прошедшего школу КГБ, были свои взгляды на эту жизнь, и у ряда парней прошли не все номера в программе. Удивление было безграничным, а огорчение просто бездонным. Вот приблизительно об этом книжка.

— **А отчего вы все принимаете так близко к сердцу?**

— Потому что у страны есть некоторые проблемы. Народу становится все меньше. И дело не в том, что нет денег. И в самых богатых странах очень плохо с народом. Те же шведы и французы не желают размножаться, а в нищей Африке 12 детей в семье, всем нечего жрать, и все требуют, чтобы их содержали. Вот сейчас там волнения в Зимбабве, откуда вы-

гнали белых фермеров, но, как съезжал телеведущий, те, уходя, забыли предупредить, что их поля надо обрабатывать. Теперь там не растет ничего. Так вот, это уменьшающееся население не в состоянии держать свою территорию. А когда народу станет еще меньше, то будет поставлен вопрос: «Ребята, на кой черт вам территории, если у вас там и людей нет?» У китайцев, с их трехтысячелетней историей, очень хорошая историческая память, и они вовсе не считают некоторые наши земли нашими. И сегодня они явно показывают, что они еще подождают, пока нас станет поменьше, а потом Приморье само собой станет обратно их территорией.

— **И в чем вы видите выход?**

— Чтобы страна не развалилась, тенденцию к чему она имеет, нужно создать условия для нормальной демократии. Решить это демократическим путем невозможно, потому что деньги хотят навсегда. Гордые узлы не развязываются. Они рубятся. Введение конституционной диктатуры на ограниченный срок, скажем, от двух до пяти лет. Это не диктатор, который, введя танки на улицы, скажет: «Кончились ваши свободы, теперь будете делать только то, что я сказал!», а диктатор в римском смысле этого слова, кандидатура которого

Когда народу станет еще меньше, то будет поставлен вопрос: «Ребята, на кой черт вам территории, если у вас там и людей нет?»

рассмотрена Сенатом, обсуждена народом, утверждена на общем собрании. Ему поставлены конкретные задачи, и поставлен он на эту должность для того, чтобы решить их за тот срок, на который он поставлен. И ни для чего больше он не нужен.

— **Есть еще какие-то варианты великого и последнего шанса?**

— Еще есть вариант героический. Поскольку герои в принципе находят-

ся всегда, то нельзя исключать варианта, когда появится группа людей, для которых сделать все для народа и страны важнее, чем сделать миллионы и добиться славы. Вот такой вариант никогда нельзя исключать. Потому что я и сейчас не до конца понимаю все мотивы, которые двигали депутатом Госдумы Ройзманом, который еще не был депутатом, когда начал искоренять екатеринбургскую наркомафию. Он рисковал жизнью 24 часа в сутки, не имея с этого ничего. У него все было. Он был средней руки бизнесменом — крепким и удачливым. У него была хорошая семья, крепкие надежные друзья. Почему он в живых? Ну, бывает. Значит, парень наверху его бережет.

— **Если появится этот гипотетический герой или группа героев, где гарантия, что их не отстрелят на первом же перевале?**

— Никаких гарантий. В свое время точно так пришибли сначала старшего брата Граха в древнем мире, а потом и младшего. Они хотели только хорошего для своего народа и своей страны. Когда их пришибли, из них сделали национальных героев. С точки зрения логики Наполеон не мог остаться в живых после аркольдского моста. С точки зрения логики Гитлер — совсем иной стилистической окраски фигура. После четырех десятков попыток покушения на него остаться в живых он тоже не мог. С точки зрения логики и Сталин — то — серая мышка кавказского происхождения — начальником этой страны стать не мог, победив таких титанов революции, как Троцкий, Зиновьев, Каменев... Люди, которые основали партии, воровали десятки миллионов, подписывали десятки и сотни смертных приговоров.

— **И как вы думаете, такие люди через пять лет отдали бы полномочия диктатора?**

— Такие люди, я думаю, сейчас занимаются другими вещами. Да, это очень трудно. Но сказать, что невозможно, нельзя. Кто мог поверить в начале восьмидесятых, что все будет по Сахарову? И что Сахаров будет говорить с трибуны съезда то, что он всегда пытался сказать? В 17-м году казалось немыслимым, что жалкая кучка большевиков удержит власть. Многие казались невозможным. Но, вероятней всего, конечно, что все будет развиваться по тому сценарию, по которому идет. Россия будет продолжать раскрываться, разваливаться и в середине двадцать первого века перестанет существовать в своих нынешних границах, в своем нынешнем виде. Но поскольку есть люди, которым этого не хочется, то не исключен вариант, что все-таки все будет иначе...